

18+ САПИЕНСАТОР

ТАЙМЫРОВА,

ИЛИ

ВЛАСТЕЛИН

МЫСЛИ

Борис БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ

Борис Благовещенский

**Сапиенсатор Таймырова, или
Властелин мысли. Фантастическая
история сапиенсатора**

«Издательские решения»

Благовещенский Б.

Сапиенсатор Таймырова, или Властелин мысли. Фантастическая история сапиенсатора / Б. Благовещенский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985243-4

«Неужели это возможно?» — не верил он самому себе. Никто в этом мире — ни женщина, ни ее малыш — не подозревал, что всего в сотне шагов от них, за его спиной, стоит нечто из металла, минералов и жидких кристаллов, совсем непохожее на них, но в то же время превосходящее их и знающее все, о чем они думают, чего желают, о чем мечтают. Отныне для него могут перестать существовать все их тайны. Он может знать каждый их шаг, предвидеть их сегодняшние и завтрашние поступки...

ISBN 978-5-44-985243-4

© Благовещенский Б.
© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА	7
Часть первая	12
Глава первая	12
Чего не хватало для счастья Джону К. и его шефу	12
Глава вторая	15
Накануне испытания сапиенсатора	15
Глава третья	16
Сапиенсатор говорит, что профессор Сухоедов – враг	16
Глава четвертая	22
Сухоедов получает свою шляпу, а Таймыров ключи от его мозга	22
Глава пятая	28
Таймыров думает, а сапиенсатор пишет роман	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

**Сапиенсатор Таймырова,
или Властелин мысли
Фантастическая история сапиенсатора**

Борис Благовещенский

Дизайнер обложки Борис Благовещенский

Текст печатается по изданию «Сапиенсатор изобретателя Таймырова, или Властелин мысли» издательства Беларусь, Минск, 2015

© Борис Благовещенский, 2020

© Борис Благовещенский, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-5243-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

«Сапиенсатор Николая Таймырова» – как это было

История возникновения «Сапиенсатор Николая Таймырова», это часть моей биографии, как и часть ушедшего времени, связанная с ним, не менее интересна, чем само произведение. Дата, стоящая в конце первой части, (1989) условная. На самом деле создание этого сочинения имеет более длинную историю и началась двадцатью годами раньше.

Первая мысль об этом сочинении появилась в моей голове в 1969 или в 1970 году. Я тогда был студентом Одесского политехнического института. Однажды в нашей общежитской комнате я увидел журнал «Наука и жизнь».

Журнал этот был мне хорошо знаком со школьных лет, потому что его выписывал мой отец, и я тоже читал его с интересом. Помню, что я удивился, увидев этот журнал в нашей комнате. Я стал его читать. Меня особенно заинтересовала статья, в которой рассказывалось об исследовании мозга в Институте экспериментальной медицины. В ней описывалось, как проводились исследования биотоков мозга с помощью вживления тончайших металлических электродов в клетки мозга. Биотоки мозга записывались неким прибором. Больше всего в статье меня поразили графики этих самых биотоков. В статье в виде рисунков были приведены импульсы биотоков, генерируемых нейроном, и соответствующих определенному мысленному образу, например: дерево, книга и так далее. (Такое впечатление о публикации сложилось и сохранилось в моей памяти тогда после ее прочтения). Они то и поразили меня больше всего. Прочитав эту статью, я подумал, если это так, то это означает, что возможно записывать мысли на бумагу! Это казалось мне таким очевидным! Я подумал, что создание устройства для чтения мыслей это дело недалекого будущего. В моей голове вдруг возникла мысль, что об этом можно написать фантастический роман, и мое сердце забилося в сладком волнении. В голове тут же пронеслись картины, сюжет будущего произведения. Вспомнился читанный мною «Властелин мира» Александра Беляева.

Журнал, так всколыхнувший моё воображение, также незаметно исчез из нашей комнаты, как и появился. Больше я его в своей жизни не видел, хотя позже предпринял немало усилий, чтобы его найти.

А испытанное мною волнение было настолько сильно, что вскоре я набросал в одном из своих конспектов функциональную схему воображаемого аппарата, план сочинения и начал писать свой роман. Однажды я поделился написанным со своим однокурсником. Я понял, что его впечатлило мое сочинение и это вдохновляло меня. По первоначальному замыслу сапиенсатор был похищен иностранной разведкой и дальше шли события связанные с его применением.

Но это было не самое лучшее время для написания большого романа. Во-первых, занятия в институте, лекции, экзаменационные сессии не оставляли времени на сочинение фантастики. Во-вторых, я в то время был полон лирики, стихи полностью занимали мои сердце и душу.

Недописанный роман остался в моем конспекте и с ним я приехал в 1972 году на работу по распределению в Кишинев. Когда я решил продолжить его, после длительного перерыва, то почувствовал, что мне не хватает информации. Моему инженерному мышлению уже недостаточно было одной фантазии сочинителя. Чем больше я думал над этой темой, тем больше у меня возникало вопросов, требующих ответа. Я решил найти журнал, так взволновавший меня, перечитать статью, освежить впечатления. В Республиканской библиотеке Кишинева я перелопатил все журналы «Наука и жизнь» с 1968 года, а затем и более ранние выпуски, но так и не нашел той, взволновавшей меня когда-то публикации. Я засомневался, что это был журнал «Наука и жизнь» и пересмотрел другие известные мне аналогичные журналы. Но безре-

зультатно, всколыхнувшая меня статья, исчезла для меня навсегда. Если бы не сохранилась моя студенческая тетрадка с написанными страницами, я бы уже и засомневался бы: а был ли тот журнал, не приснилось ли мне это. Но поиски мои были не совсем напрасны. Я прочитал много новых материалов на интересующую меня тему в других изданиях.

В 1982 году я узнал о существовании в Кишиневе литературного объединения «Орбита». Слухи о нем доносились до меня давно, но стать его участником раньше было не суждено. В одно из заседаний, которые вел писатель Геннадий Немчинов, я решил выступить не со стихами, а с прозой. И прочел текст «Сапиенсатора Николая Таймырова», представив его, как рассказ. Надо сказать, что текст содержался тогда на пятидесяти с лишним рукописных страницах, и я здорово рисковал, решив под конец заседания его прочитать своим соратникам. Но, не смотря на все это, мой рассказ дослушали до конца. Аудитория слушателей была немногочисленная, в тот раз нас собралось человек пять. Критика в мой адрес коллег по перу была вовсе не лестной, особенно со стороны поэта. Но Геннадию Немчинову мое сочинение пришлось по душе. В ходе чтения он выразил восхищение по поводу применения Таймыровым сапиенсатора для написания книги. А в конце сказал, что по жанру это все-таки не рассказ, а повесть. И посоветовал показать ее одному известному в Кишиневе фантасту.

Другой бы на моем месте тут же побежал бы искать известного писателя, но я не торопился. К тому времени меня уже приучили писать в стол и критически относиться ко всему, в том числе, и к себе. Мне не нравилась концовка моего сочинения. Последняя завершающая фраза в произведении важнее, чем начало. Была и вторая причина того, что я не торопился нести его в редакцию. Два противоречивых чувства боролись во мне. Первое состояло в том, что мне хотелось видеть это сочинение напечатанным, а второе чувство говорило мне, что это не нужно публиковать вообще.

Так и пролежала моя рукопись в столе до рокового 1987 года. В августе этого года я поехал в отпуск и взял с собой кое-какие рукописи, в том числе, и «Сапиенсатор Николая Таймырова». Кроме моих рукописей со мной была еще одна вещь, очень повлиявшая, если не на мою судьбу, то на события, произошедшие со мной в курортном городке – книга «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, которую я читал там с упоением. Книгу эту в свое время купила моя жена в Кишиневе, она ее прочла, и, узнав, что я собираюсь взять ее с собой, стала отговаривать от этого. «Тебе нельзя читать эту книгу, – сказала она, имея ввиду мою впечатлительность, – там такие вещи описываются». Но это не остановило меня, а только подогрело мой интерес к книге, которую я давно собирался прочесть.

Августовским днем, когда я сидел на лавочке в богатом курортном городишке, ко мне подсел мужчина средних лет, он был из местных и слегка подогретый алкоголем. Увидев, что за книгу я читаю, он оживился, спросил, где я ее купил и за сколько. Начал предлагать за нее деньги. Когда сумма дошла до пятидесяти рублей, я подумал, не согласиться ли? Это была пятикратная цена её, книгу я почти дочитал, деньги мне были нужны, так, как я уже купил билет на обратную дорогу, и поиздержался. Но мне очень не хотелось расставаться с «Мастером и Маргаритой» и я, чтобы отвязаться от настырного книголюба, пообещал ему продать книгу несколькими днями позже, связавшись с ним по телефону. Судьбе было угодно, чтобы через несколько дней «Мастер и Маргарита» уехала в Ленинград с моей дарственной надписью женщине, молниеносно ворвавшейся в мою тихую безмятежную жизнь.

А события в курортном городишке начали развиваться по сценарию описанному Булгаковым в его романе. Верьте не всему тому, что в нем написано. Фраза: «Рукописи не горят» всего лишь красивая фраза. На пятом этаже в квартире номер тринадцать по улице Добровольского в городе Трускавце моя рукопись горела очень хорошо. Дыму в квартире было столько, что я испугался, как бы ни приехали пожарные. Нет, мне вовсе не легко было ее поджигать. Мне думалось, если я сожгу эту рукопись, то, наконец, стану другим человеком, смогу навсегда

расстаться со своей страстью бумагомарания и жить более счастливо. Последняя мысль перед тем, как зажечь листы, была: «Все равно это никто никогда не напечатает».

Не знаю, надо ли говорить, что рукопись, которую автор вынашивал в своей голове долгие месяцы или годы, становится частью его самого. Что происходит с человеком, когда он жжет свои рукописи, описано в той же книге Михаила Булгакова. Но это уже сюжет другого рассказа.

Когда я через несколько месяцев окончательно пришел в себя, то понял, что зря сжёг рукопись, ничего, кроме еще одной раны в моей душе, это не принесло. Утешал лишь тот факт, что сохранилась записная книжка со стихами. Выражение: «рукописи не горят» осталось справедливо лишь к моим стихам, потому, что их я, как правило, писал на ходу, в уме, записывал в записную книжку уже готовые, и они надежно хранились в моей памяти.

Прошло около полугода, и я начал заново переписывать свою сожженную рукопись. Сначала мне казалось, что повторить написанное будет легко, ведь я помню содержание наизусть. Но это только казалось. Было мучительно вспоминать свой текст, хотелось повторить все, как было раньше. (Не сохранился даже план и черновики). Но, как невозможно войти дважды в одну реку, так не возможно точь в точь повторить один и тот же сюжет в прозе. Человек, как река, меняется ежеминутно, мысли его зависят от всего, что его окружает. И только те мысли, что зафиксированы на бумаге, или другом носителе информации, отражают состояние человека в определенный момент.

Тем не менее, где-то в середине 1989 года сожженная рукопись первой части «Сапиенсатор Николая Таймырова» была написана заново, и я отнес ее на печать знакомой машинистке. Должно было пройти ещё два года прежде, чем я решил ее отправить в редакцию. Подтолкнула к этому меня одна публикация в «Литературной газете». Из неё я понял, что во многих лабораториях мира работают таймыровы над расшифровкой, по выражению академика Натальи Бехтеревой, «кода мысли», и, вполне возможно, что то, что описано в моей фантастике, уже где-то произошло. Но об этом нам никогда не скажут.

В июле 1991 года я послал рукопись «Сапиенсатора» в редакцию журнала «Кодры». Время было не самое лучшее для литературы в такой стране, как Молдова. После того, как ее отказался печатать тот самый журнал «Наука и жизнь», я сильно сомневался, что наши редактора рискнут печатать такую вещь. При всей ее фантастичности она была очень реальна и правдоподобна.

Более полугода она лежала там без движения. Наконец, после очередного звонка, мне сообщили, что она находится у редактора Л. К.. При первой встрече он высказал мне свои замечания, и показал мою рукопись с множественными купюрами. Рукопись, конечно, требовала корректуры, хотя бы потому, что за то время, что она лежала в редакции перестала существовать страна с названием Советский Союз. Мы долго обсуждали и спорили по поводу его предложений. Больше всего меня не устраивало стремление редактора сократить текст до размеров небольшого рассказа. Таких встреч у нас было несколько. После каждой я уходил с задачей что-либо переписать, заменить, удалить. Несмотря на то, что весь мой день проходил на заводе, работал я быстро, не затягивая, хотелось быстрее увидеть свой труд в журнале, хотя печатной машинки своей не было, а тексты надо было приносить в редакцию машинописные. Л. К. Выбрасывал куски текста, и предлагал подправить другие места. Я приносил новый текст, иногда гораздо длиннее, чем предшествующий и получалось, что стремление редактора к сокращению, компенсировалось моими правками. Мой редактор явно тяготел к коллективному творчеству. Он довольно потирал руки, если я подхватывал и развивал какую-то высказанную им мысль. Однажды он высказался: «Вот видите, как у нас с вами хорошо получается».

Как то он оgoroшил меня своим звонком. «Вы знаете, – услышал я в трубке, – у меня вызывает сомнение диалог в ЦРУ. У меня есть знакомый полковник КГБ, я вас сведу, может, вы с ним проконсультируетесь?» Да на кой черт мне ваш полковник, подумал я, я создаю свой мир, в котором все говорят и делают то, что мне надо. Каждый человек в одной и той же ситуа-

ции будет выражать свои мысли по-своему, в зависимости от своего характера и темперамента. Наверное, проверяет, подумал я, боится, что в моей фантастике есть секретная информация? Но вслух сказал: «Как хотите, мне это не нужно, если вам надо, звоните, я встречу».

Не знаю, консультировался ли редактор с полковником КГБ по поводу того, что говорят в ЦРУ в случаях, описанных в моей повести, но моя встреча с ним не состоялась. На дворе стоял девяносто второй год. Уже год, как был ликвидирован Главлит – ведомство, занимавшееся цензурой в СССР. А сам Союз доконала междоусобица бывших братских народов. Заводы союзного подчинения, работающие на оборонку, перешли под юрисдикцию Молдовы, и на них началась агония, продолжающаяся и сейчас. На военных заводах, в том числе, на котором работал я, Москва сняла все свои заказы, и началась тотальная безработица. В воздухе стоял запах назревавшего военного конфликта между Молдовой и Приднестровской Молдавской Республикой. Удивительно, что в то время еще выходил журнал «Кодры». Скоро уедут из Молдовы многие из тех, кто писал для него и издавал его. Книжки, за которыми люди стояли часами в длинных очередях, будут продаваться за копейки на кишиневских тротуарах, русский язык и литература окажутся на задворках.

Примерно после месяца такой работы мы с Л. К. повздорили и я сказал: «Вы хотите из моей повести сделать маленький рассказ». «Да, – признался он, – страниц на двенадцать не больше, – и тут же добавил, – сделайте роман, кто вам не дает?» «Да, тут рассказы по несколько лет маринуют, а вы – роман», – посетовал я. После его вопроса: «кто маринует» я назвал редакции, в которых пылились мои рукописи, и, открывая свой «дипломат», спросил: «Хотите, покажу вам два рассказа?». К моему удивлению, прочитав первый рассказ, он сказал: «Этот я подпишу». Моему удивлению не было предела, когда прочитав второй рассказ, он тоже сказал «И этот я подпишу».

После такого общения казалось, что контакт и взаимопонимание с редактором наконец-то налажены. Но самое неприятное было впереди. Когда все правки по предложению редактора были мною выполнены, он предложил убрать первую главу с описанием действий в ЦРУ или дописать ещё одну в конце. Меня не устраивало ни первое, ни второе. Меня полностью устраивала существующая концовка, и не хотелось ее менять. Но резон в требовании редактора был, и я дописал еще одну страницу текста. Когда я закончил ее писать и перечитал, я понял, что у этой истории должно быть продолжение. И я уже знал, какое и о чем оно будет. Редактора удовлетворила моя завершающая страница, и мы с ним расстались, условившись, что он сообщит, когда понадобится. Но прошло несколько месяцев, а Л. К. молчал. Я позвонил ему, чтобы узнать, когда выйдет повесть в журнале. В ответ он предложил зайти в редакцию. В редакции меня ожидал сюрприз. Л. К. встретил меня со словами: «Рукопись ваша не годится, ее надо полностью переписать, а у меня на это нет времени», – и протянул мне несколько листов. Я стал читать и пришел в ужас и негодование. Передо мной был совсем чужой текст. Редактор занялся работой, которую сегодня выполняют копирайтеры – переделка текста на свой манер. В этом тексте было все другое, другой стиль, другой характер не только героя, но и автора. Редактор явно напрашивался на соавторство, предлагая свои услуги.

Мне хотелось кричать, но я сделал паузу, вздохнул и произнес: «Не знаю, что и сказать». «Думайте, вам решать», – сказал мой редактор. Острый разговор закончился диалогом.

- Я не понимаю, откуда у вас такое упрямство...
- Зачем вы это делаете? Я вас просил об этом?
- Тогда забирайте свою рукопись и ищите себе другого редактора.
- Не я вам ее давал, и не я должен ее забирать.

Я вышел из редакции с мыслями: «Все! К черту! Делайте, что хотите с этой рукописью, плевать мне на все! Осточертело!» Но после бессонной ночи пришла другая мысль: «Надо сделать все, что от меня зависит, а там Бог рассудит, кто прав, кто не прав» И написал письмо главному редактору Юрию Грекову, которое и решило судьбу «Сапиенсатора Николая Таймы-

рова». Спустя некоторое время из редакции журнала позвонил Валентин Стрыгин и сказал: «Тут ваша рукопись у меня, зайдите поговорить».

С некоторыми досадными опечатками, (гранки читать мне не давали), набранная (вкуче с письмами покойного румынского классика Алексея Матеевича) самым мелким шрифтом в журнале, повесть вышла в октябрьском номере за 1993 год. В такой же редакции она вошла в книгу «Цена бессмертия», изданную в Кишиневе в 2001 году благодаря поддержке Центра русской культуры в Республике Молдова и лично председателя его Правления Евгения Охрименко. Вторая часть этого сочинения под названием «Карающий меч» писалась мною в двухтысячные годы, за исключением восьмой и девятой глав, написанных в 2013 году.

Часть первая

САПИЕНСАТОР ПРОТИВ ЦРУ

Глава первая

Чего не хватало для счастья Джону К. и его шефу

Джон К. Сидел на втором этаже загородного дома, окунувшись в свои думы. Голова его была занята не бесконечными государственными делами, а обыкновенными семейными заботами. Точнее, он думал над тем, где можно было бы установить еще один микрофон с подслушивающим устройством, чтобы быть в курсе всех дел своей молодой очаровательной супруги...

В мире царила эпоха подслушивания. Она прошла несколько этапов. На заре ее применялись сравнительно скромные приборы, состоящие из микрофона и миниатюрного магнитофона. Затем стали использовать микрофоны с радиопередатчиками. Это было очень удобно: сидишь в своем кабинете и слышишь, например, что говорит в это время лидер Антивоенной лиги по поводу роста расходов на вооружение и увеличения налогов или что нового у прокурора Нового Орлеана в расследовании убийства президента Кеннеди. Конец двадцатого века ознаменовался новыми достижениями в области электроники и информационных технологий, и мир захлестнула очередная волна шпиономании. Подслушивали все: дети – разговоры родителей, родители – разговоры своих детей, владельцы компаний – разговоры своих конкурентов. Журналисты в погоне за сенсацией подслушивали разговоры известных людей, кинозвезд и политиков. В двадцатом веке жестокая конкуренция и борьба за рынки сбыта вынуждали владельцев крупных компаний и концернов изобретать все новые и новые средства шпионажа. Мир стоял на пороге новых потрясающих открытий.

В пятидесятых годах двадцатого века, во время начала «холодной войны», американским правительством было создано специальное ведомство – Агентство национальной безопасности, целью которого были перехват и дешифровка секретных сообщений иностранных государств и прослушивание международных линий связи. В то время когда Джон К. Сидел в своем особняке, над землей летали десятки спутников-шпионов, владельцы различных фирм и концернов подслушивали разговоры своих конкурентов, шефы – своих подчиненных, специалисты Агентства национальной безопасности занимались перехватом и дешифровкой секретных сообщений иностранных государств, прослушивали международные линии связи, а агенты ФБР составляли досье на инакомыслящих американцев. Сверхчувствительные антенные поля, укрытые в горах Западной Виргинии, насторожив свои «уши», принимали донесения со всех континентов планеты. Сердцем этого электронного чудовища было девятиэтажное здание в Форт-Миде, в подвалах которого находились сложнейшие быстродействующие компьютеры – мозг электронного спрута, раскинувшего свои щупальца по всему миру.

В мире бурно развивались две параллельные отрасли производства: одна изготавливала средства прослушивания, другая – средства защиты от них. Время от времени обе они поочередно потрясали мир своими сенсационными изобретениями.

В кармане каждого делового американца всегда лежит маленький электронный прибор, выполняющий, кроме функции телефона, еще и роль электронной записной книжки. Все, что напишет ее владелец магнитным карандашом на специальной пластинке, высвечивается на небольшом экране и хранится в памяти прибора, пока он не сотрет запись.

Использование электронного письма для передачи информации вынуждало ЦРУ пренебрегать электронную переписку как своих, так и иностранных граждан, что приводило к громким политическим скандалам и резко сокращало сведения, поступающие в ЦРУ и ФБР. Эти затруднения в скором будущем устранят новые достижения ученых, работающих в секретных лабораториях военного и разведывательного ведомства. Но сегодня они и лично Джон К. Испытывали кризис в поступлении нужной информации.

Вот уже несколько дней как мистеру К. Стало известно, что его Кэтрин часто встречается с неким Эмилом Д., актером из Голливуда. Но «жучки», установленные в доме, не сообщали мистеру К. Ничего интересного, кроме болтовни Кэтрин с прислугой, которая интересовала его не больше, чем голодного, приبلудного пса вопрос о том, есть ли жизнь на Марсе. Кэтрин была не настолько глупа, чтобы болтать с прислугой о своих поклонниках. Но и она, дочь профессора Калифорнийского университета, не могла предусмотреть все хитрости своего ревнивого мужа и опытного служаки ЦРУ. Микрофон, установленный в ее машине, все-таки давал возможность мистеру К. Слушать кое-какие ее разговоры...

Джон К. Вздрогнул от треска, раздавшегося в радиоприемнике, стоявшем рядом на журнальном столике. Это заработало устройство в машине Кэтрин. Сквозь легкий шум работающего двигателя послышался голос Кэтрин.

– Нам надо поторопиться, потому что Джон должен вернуться сегодня из своей поездки и у меня опять будет с ним неприятный разговор.

– Ты такая сообразительная. Неужели ты не можешь придумать какую-нибудь правдоподобную историю?

– Могу, но Джон в них не верит. Он слышит и знает обо мне все. Не исключено, что он слушает и этот наш разговор.

– Да, нелегко быть женой офицера такого ведомства, в котором работает твой муж.

В разговоре произошла пауза, затем снова послышался голос Кэтрин.

– Фрэдди, неужели ты уедешь в Европу после окончания учебы?

– Наверное. Мне и самому не очень этого хочется, но отец настаивает. Он говорит, что дома меня ожидают интересная работа и хорошая должность в его компании. Но до этого еще целых два года, и все это время мы будем встречаться почти ежедневно, за исключением воскресных дней, моих каникул и твоего отпуска.

Джон К. узнал из разговора, что его Кэтрин встречается еще и с каким-то студентом. «Боюсь, что им придется расстаться значительно раньше, чем Фрэдди наберется грамоты», – подумал он.

...Мысли мистера К. прервала мелодичная трель телефонного аппарата. Он снял трубку и услышал голос секретаря шефа, сообщившего о необходимости явиться по неотложному делу. Этих неотложных дел всегда было полно в их ведомстве, а потому он не стал гадать, а попытался собраться, отодвинув на время личное.

Шеф был, как всегда, лаконичен и начал без предисловий:

– Нам стало известно, что в России некто Таймыров изобрел уникальный аппарат, неопределимый в нашем с вами, майор, деле. Его изобретение для нас важнее, чем все изобретения, существовавшие до него. Аппарат этот способен улавливать электромагнитные импульсы человеческого мозга и расшифровывать их. Говоря иначе – читать мысли. Наконец-то мы сможем знать, что творится в головах интересующих нас людей, – начиная с все еще таинственного для нас профессора Фолсома и кончая негритянским лидером Джеймсом Гаррисоном.

«В том числе и моей Кэтрин», – подумал Джон К.

– А еще, майор, мы сможем лучше знать, что думают и говорят в откровении за пределами Штатов; и в иностранных посольствах тоже человеческие головы... Ну и спутники не зря летают...

– Приступить к разработке вербовки, сэр?

– О нет, майор, вербовка на этот раз исключается. Сама попытка подступиться с этим к Таймырову может означать провал. Будем использовать нашего нового агента 3 ИКС. Изобретением должны обладать мы и только мы. Задача – заполучить принципиальную схему, существующий же образец аппарата должен исчезнуть вместе с его создателем. Вы меня поняли, майор?

– Да, сэр.

Глава вторая

Накануне испытания сапиенсатора

Таймыров долго не мог уснуть. Мысль о том, что срок, отведенный ему на создание аппарата, истекал, а сегодняшнее испытание его оказалось безрезультатным, не давала ему покоя. Закрыв глаза, он лежал на спине и, вслушиваясь в раскаты бушевавшей за окном грозы, перебирал в памяти участки электрических цепей, мысленно анализировал сложную схему созданного аппарата, но почему не было прохождения сигнала через преобразователь биоэлектромагнитных импульсов, понять не мог. «Теоретически все правильно, – думал он, – очевидно, ошибка допущена при монтаже. Нужно будет еще раз тщательно сверить монтаж прибора со схемой». С этими мыслями он уснул уже далеко за полночь.

В свои двадцать шесть лет Николай Таймыров подавал большие надежды в науке. Еще будучи школьником, он предложил несколько оригинальных конструкций различных механизмов, а его вездеход, способный взбираться по отвесным скалам, был зарегистрирован как изобретение и вскоре получил применение в народном хозяйстве. Он окончил школу в шестнадцать, но с его знаниями мог сравниться не всякий студент. Кроме механики и радиоэлектроники, Николай хорошо разбирался в кибернетике, интересовался бионикой, медициной. Он без особого труда стал студентом факультета кибернетических систем Московского государственного университета им. Ломоносова. Но, прозанимавшись в нем год, вдруг попросил об отчислении из университета, а еще через год снова появился в нем, удивив выдавших виды профессоров оригинальным проектом робота-планетохода, после чего получил разрешение сдавать экзамены экстерном. Он сдал их и с блеском защитил свой дипломный проект «Самобучающаяся система РП-1».

Последние несколько лет Таймырова занимали проблемы исследования мышления и процессы, происходящие в человеческом мозге, этом еще во многом непонятном продукте эволюции живой природы. Самым интересным и таинственным был процесс мышления. Что такое мысль? Об этом веками спорили поэты, философы, ученые. Занавес над этой тайной начал приоткрываться с тех пор, как немецкий врач Ганс Бергер, применив кардиограф, впервые записал биотоки мозга. Последующие исследования ученых показали, что каждая мысль есть совокупность материальных процессов, происходящих в мозге, и сопровождается определенными биоэлектрическими, а следовательно, и биоэлектромагнитными явлениями. Несмотря на то что сила электромагнитного поля биотоков чрезвычайно мала, последние достижения в области электроники позволяли их уловить и зафиксировать. Аппарат системы Николая Таймырова должен был не только выделить и зафиксировать электромагнитные импульсы человеческого мозга, но и, расшифровав их, дать в словесном виде то, что принято называть мыслью.

Глава третья

Сапиенсатор говорит, что профессор Сухоедов – враг

Таймыров вошел в лабораторию. Створки дверей сошлись за ним автоматически, как в лифте, и раздался еле слышный щелчок электронного замка. Лаборатория Таймырова была закрытой: вход в нее был строго ограничен. Кроме Таймырова, пропуск в лабораторию имели еще два человека. Электронный вахтер был запрограммирован таким образом, что эти двое могли войти внутрь лаборатории только в присутствии ее хозяина.

Таймыров снял плащ и шляпу, повесил их на металлическую вешалку в углу и обвел взглядом помещение. Все находилось на тех же местах, что и вчера, когда он покинул лабораторию после трудового дня. Справа у входа, вдоль стены, стоял стеллаж, заставленный блоками из радиодеталей, многочисленными приборами, мотками разных проводов; на противоположной стене висели три полки с книгами; под ними, у окна, стояло массивное кресло с мягкими подлокотниками, обтянутое черной кожей; в середине лаборатории располагался большой монтажный стол, на котором находился недавно собранный прибор, напоминающий современный осциллограф. Таймыров поднял жалюзи – лампы дневного света на потолке в тот же миг погасли, и лучи утреннего солнца, заполнив помещение, упали на покрытые эмалью стенки и панель прибора. Это была электронная система Таймырова – сапиенсатор, аппарат, который, по его расчетам, должен регистрировать человеческие мысли.

Вчера он ушел из лаборатории поздно вечером, но сапиенсатор так и не заработал. Сегодня предстояло сверить со схемой сборку еще двух блоков прибора. Он открыл дверцу шкафа вторичного усилителя и преобразователя электромагнитных импульсов, стал тщательно проверять путь прохождения сигнала от элемента к элементу. Надобности заглядывать в схему у него не было; он помнил ее наизусть в любое время дня и ночи, как верующий помнит свою молитву. В одном месте переплетение контактов показалось ему подозрительным. Он насторожился. Так и есть: на выходе вторичного усилителя контакты были припаяны неправильно. Брак был таким очевидным, что он удивился, как вообще можно было его допустить.

Обрадованный неожиданной удачей, он не стал вызывать радиомонтажника, а, вооружившись электропаяльником, решил сам устранить недостаток. Когда через несколько минут оба контакта были на своих местах, он остановился в нерешительности перед своим детищем. Наступил самый ответственный момент: что покажет испытание. Теперь, когда возможная причина устранена, станет ли его сапиенсатор реальностью или опять выдаст чистую бумажную ленту? Он был один на один с этим сложным комплексом чувствительных и сверхчувствительных радиоэлементов, транзисторов и микросхем, который несколько месяцев назад существовал лишь в его голове. Наконец подошел к сейфу, встроенному в стену возле книжных полок, и извлек из него пластмассовую коробочку, из которой он взял предмет, похожий на булавку. Приладив «булавку» на внутренней стороне своей шляпы в месте касания последней с затылком, он надел ставший уже необычным головной убор, подошел к аппарату и защелкал переключателями на панели управления. После второго щелчка на панели замигал красный глазок, сигнализирующий, что блок вторичного приемника-усилителя готов к работе, затем загорелись голубой и желтые глазки, свидетельствующие о работе блока памяти и преобразователя биоэлектрических импульсов.

Лицо Таймырова сияло радостью: это уже удача – все блоки работают. Но тут же радость сменилась тревогой и растерянностью: в лаборатории стояла такая тишина, что Таймыров слышал глухие удары собственного сердца. Печатающее устройство молчало, и он никак не мог понять почему. На лице его от напряжения выступили капельки пота. «Да, – вдруг стукнул

он себя ладонью по лбу, – хорош изобретатель!» – и стал настраивать в резонанс колебательный контур приемника-усилителя. Он повернул ручку настройки на панели, и внезапный треск печатающего устройства, как взрыв, разрезал тишину. От неожиданности Таймыров отскочил назад, затем, вытирая пот со лба, снова приблизился к сапиенсатору и сквозь стеклянное окошко начал читать бегущие без знаков препинания строки: ЗАРАБОТАЛО ЗАГОВОРИЛО РОДИМОЕ ВСЕ В ПОРЯДКЕ ТЬФУ АЖ ВСПОТЕЛ ОТ ТАКОГО НАПРЯЖЕНИЯ С УМА СОЙТИ МОЖНО...

Сомнений не было – сапиенсатор воспроизводил работу его мозга. Он быстро выключил в обратном порядке все тумблеры, снял шляпу и подошел к окну.

В сквере, примыкающем к институту, молодая женщина с тонким, красивым профилем в темных очках сидела на скамье перед фонтаном и наблюдала за тем, как ее малыш лет трех гонялся за голубями по дорожкам. Таймырову вдруг захотелось оказаться на месте этого малыша, но тут же он ощутил, как гигантской силы тяжесть навалилась на его плечи, пригибая к земле, свела лопатки, морозом прошлась по коже, и он всей спиной почувствовал, как замершее позади его детище мрачной тенью нависло над ним. Теперь, когда плод его мысли стал реальностью, способной, покоряясь воле своего создателя, извлекать самое сокровенное из данного людям матерью-природой еще вчера надежного тайника, сделать явным то, чему предназначено быть тайным, чувство ответственности за причастность к свершившемуся открытию рождало в нем растущую смутную тревогу; беспредельный страх охватил все его существо. «Неужели это возможно?» – не верил он самому себе. Никто в этом мире – ни женщина, ни ее малыш – не подозревал, что всего в сотне шагов от них, за его спиной, стоит нечто из металла, минералов и жидких кристаллов, совсем непохожее на них, но в то же время превосходящее их и знающее все, о чем они думают, чего желают, о чем мечтают. Отныне для него могут перестать существовать все их тайны. Он может знать каждый их шаг, предвидеть их сегодняшние и завтрашние поступки. Как люди воспользуются его изобретением? Кому будет служить оно завтра? Беспредельный страх за эту женщину и ее ребенка перерастал в чувство глобальной опасности, грозящей всему миру. Да, он замыслил свое изобретение как сугубо гуманное, обеспечивающее прорыв в науке о человеке, служащее прогрессу цивилизации, но сапиенсатором могут воспользоваться организаторы тотальной слежки, маньяки, жаждущие неограниченной власти над людьми. «Что же делать? Как быть со своим изобретением?» – лихорадочно билась его мысль, ища ответа на возникшие перед ним вопросы. Дело уже сделано и сделано вовсе не для того, чтобы способствовать злу. Таймыров как бы оправдывался перед самим собой, стараясь заглушить страх, не впасть в отчаяние. Логика ученого говорила: «В конце концов, человечество никогда бы не достигло того уровня развития, который обеспечили ему наука и техника, если бы создатели нового боялись, что их изобретение или открытие будет обращено во вред. Тот же нож, придуманный первобытным человеком, может быть орудием смерти в руках убийцы, но может быть и инструментом исцеления в руках врача. Мой сапиенсатор должен служить людям, помогать им создавать, а не убивать». С этими мыслями он подошел к полке с книгами, взял томик Пушкина и бессильно опустился в кресло. Книга открылась там, где была закладка, и взгляд его остановился на пророческих словах поэта:

О, сколько нам открытий чудных
Готовит просвещенья дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог-изобретатель.

Эти слова навели его на размышления, и он, положив книгу на колени, начал вспоминать, как пришла к нему идея создать машину, способную читать мысли. Еще во время учебы в университете он прочел в одном научном журнале статью об исследовании мозга, она натолкнула его на мысль написать научно-фантастический рассказ об ученом, создавшем машину, читающую мысли. Эта его страсть к сочинительству, как и конструированию различных механизмов, была известна еще в школе. Написанный рассказ остался пылиться среди старых конспектов лекций. А потом он ушел из университета изучать науки самостоятельно. Читал много разных научных статей. И вот снова судьба – в руки ему попала статья об исследованиях электрофизических процессов мозга в Институте экспериментальной медицины, прочитав которую, он понял, что его фантазии были не так далеки от действительности.

Записывая биотоки мозга, исследователи обратили внимание на то, что шум упавшей во время эксперимента металлической линейки отражается на энцефалограмме характерным всплеском. Дальнейшие исследования методом вживления микроэлектродов в клетки головного мозга показали, что каждому предмету, воображаемому человеком, соответствует свое графическое изображение биоэлектрического импульса, генерируемого клеткой-нейроном. Узнав об этом, Таймыров подумал, что это уже шаг к тому, чтобы создать машину, читающую мысли. Проблема заключалась, по его мнению, в том, чтобы распознать, выделить из суммарного излучения биотоков импульсы, соответствующие процессу мышления, и расшифровать их. Он обратился в Институт экспериментальной медицины с предложением произвести тестирование и составить каталог – своего рода перевод словаря русского языка Ожегова на язык биотоков мозга. Там вначале с интересом откликнулись на его предложение, однако спустя некоторое время исследования прекратили, то ли не видя смысла в этой трудоемкой работе, то ли по чьему-то указанию сверху. Но новая идея так захватила Таймырова, что уже ничего не могло заставить его отказаться от нее, и, получив направление в один из НИИ электроники, он сам взялся за эту работу, отдавая ей почти все свое свободное время. Он потратил на это без малого три года, потом столько же ушло на кодирование, создание программы ЭВМ и разработку блоков сапиенсатора. Его нынешняя работа в плане института значилась под названием «Специальная система для исследования электрофизических процессов мозга». Никто, кроме Таймырова, не знал ее настоящего предназначения. Он и сам, приступая к работе, не уверен был в ее результатах. Но время показало, что он был на правильном пути.

Расслабившись в кресле, Таймыров не заметил, как сладкая дремота овладела его уставшим от длинных рабочих дней и коротких ночей телом, и он забылся в плену легких сновидений. Перед ним внезапно возник его двойник – молодой человек в таком же темно-коричневом костюме с галстуком в клетку, с короткими темно-русскими волосами и ямочкой на подбородке. Хитро подмигнув ему, двойник сказал: «Итак, чудо-юдо готово, скоро оно удивит весь мир и в том числе профессора Сухоедова». Двойник исчез, и Таймыров услышал тихий вкрадчивый голос сапиенсатора:

- Ты спишь?
- Нет.
- А почему бы тебе не уснуть?
- Боюсь потерять время.
- А ты не бойся, спи, а я запишу все твои мысли.

Потом перед ним появился профессор Сухоедов, которого он увидел на экране телевизионной космической связи в шлеме космонавта. Тот махал ему рукой и говорил: «Ну что, доработался? Поздравляю, поздравляю!»

Таймыров открыл глаза и увидел уже не сон. Перед ним стоял сам профессор Сухоедов, брюнет лет пятидесяти, с сединой на висках, одетый в безукоризненно отутюженный темно-синий в полоску костюм. С серо-голубой сорочкой, соответствующей цвету его глаз, хорошо гармонировал со вкусом подобранный широкий галстук. Он уже два месяца как возвратился

из длительной космической командировки, но в институте еще не появлялся. Таймыров поднялся, стравивая с себя сон и пожимая протянутую профессором руку.

– С возвращением вас, профессор, я думаю, из удачной командировки?

– В общем-то, да, все прошло, как намечалось по программе. Первый полет в условиях искусственной гравитации. Несколько месяцев специальной физической подготовки. И можешь спокойно гулять по орбите. Никакой тебе невесомости, почти то же чувство земного тяготения, что и на земле, только весишь в двенадцать раз меньше. А ты, я вижу, уже пожинаешь плоды, – кивнул он головой в сторону стоящего на столе аппарата, усаживаясь на стул, принесенный Таймыровым из дальнего угла лаборатории.

Таймырову хотелось поделиться своей удачей, но что-то удерживало его: то ли свойственная ему скромность, то ли ощущение важности своей работы – и он небрежно сказал:

– Пока не совсем. Не все получается так, как нужно, но кое-что уже есть.

Он принес из сейфа недопитую бутылку армянского коньяка и, разлив ее содержимое в две небольшие рюмки из простого стекла, сказал:

– Тот самый. Как вы и пожелали перед отъездом в центр подготовки космонавтов, остаток допиваем после вашего возвращения.

Профессор достал из кармана брикет сублимированных фруктов, и они, негромко чокнувшись рюмками, выпили, закусывая тающим во рту продуктом из рациона космонавтов.

– Там, на орбите, – сказал профессор, – иногда так хотелось пропустить рюмочку, но, увы, коньяк не входит в меню космонавтов.

– Ну и как вы перенесли полет?

– В таком ограниченном составе, как наша экспедиция, конечно, нелегко пролетать четыре месяца. Ужасно действует чувство изолированности, которое мы здесь называем одиночеством. Единственное, что там спасает от психического разложения, – это работа. Работа там – это не то, что на Земле. Такой объем, такой размах – и каждый день что-то новое. Что ни эксперимент, то открытие.

Они сидели друг против друга, обсуждая новости, произошедшие в институте за время отсутствия Сухоедова. Вдруг Сухоедов резко переменял тему.

– Ну а что же умеет делать твое детище?

Таймырову очень хотелось тут же встать и продемонстрировать профессору работу сапиенсатора, но его естественные скромность и замкнутость вместе с осторожностью снова не позволили ему это сделать. Он сам еще не определил судьбу своего изобретения и поэтому, несмотря на то что уважал профессора Сухоедова как одного из своих учителей и крупного специалиста по кибернетическим системам, взглянув в его серые внимательные глаза, ответил:

– Пока немного: регистрирует биотоки, но в итоге должен читать мысли.

– Читать мысли?! – удивленно воскликнул Сухоедов, – ну ты и замаяхнулся! Но это же вздор. Кто согласится, чтобы какой-то Таймыров или кто-нибудь другой читал его мысли?

– Я не меньше, чем вы, не желаю, чтобы кто-то читал чьи-то мысли помимо его воли. Может, это и покажется вздором, но в наше время эта машина видится очень полезной. Представьте себе, что вы работаете над какой-то научной статьей: мысли лавиной следуют одна за другой; пока одну записал, следующую можно упустить и потом будешь долго ее вспоминать, а с таким аппаратом все становится гораздо проще: прокрутил запись и прочитал все, что было в твоей голове минуту или полчаса назад. А писателям и журналистам – гора с плеч: чем думать и писать, лучше просто думать, а сапиенсатор все запишет и если надо, то и отредактирует. К тому же, с созданием такой техники мы приобретаем новый, очень совершенный вид связи: нет надобности в передатчиках – нужен только приемник. Такой прибор может оказаться очень полезным врачам. Психиатру, например, знать, как мыслит его пациент, не менее важно, чем для терапевта иметь общий анализ крови.

А вы представляете себе, какой эффект можно получить, начинив такой аппаратурой одного из ваших роботов, который будет понимать вас буквально с полуслова?

Таймыров с таким увлечением обрисовал будущее своего изобретения, что профессору Сухоедову трудно было возразить, и он сказал:

– Что касается робота, то это может иметь и обратный эффект, если он выйдет из-под контроля. Ибо, если робот будет знать, что думаем мы, а мы не будем знать, что думает робот, он может оказаться очень опасным.

– А это уже ваша задача, профессор, – обеспечить надежность функционирования своих систем. Я же думаю, что снять и записать информацию электронного мозга любого робота гораздо проще, чем человека.

– Конечно, – согласился профессор, – но думаю, что ни я, ни ты не доживем до того времени, когда твой сапиенсатор получит то применение, о котором ты рассказывал. Его удел – разведка, сбор ценной информации зарубежных стран. Любопытно, – прищурился профессор, – как тебе пришло в голову заняться этой проблемой?

Таймырова так и подмывало рассказать, как он шел долгие годы к этой своей цели, но снова удержался от откровения и, усмехаясь, сказал:

– Очень просто: уснул – приснился сон, проснулся – осенило, посидел, подумал – начертил схему, и вот вам результат.

– Да. Название звучное ты ему дал. Са-пи-ен-са-тор. А, по-моему, зря ты все-таки над ним голову ломал. Вреда от него будет больше, чем пользы, и, подумав, добавил: – поначалу. Ты представляешь себе, что будет, если эта штука попадет в руки наших противников, в любую иностранную разведку?

Профессор попал в самую болезненную точку Таймырова. Его тоже мучил этот червь сомнений, и поэтому он, помолчав, произнес:

– Что ж, поживем – увидим.

А профессор, желая удовлетворить свой профессиональный интерес, не унимался:

– И все же, каким образом эта штука может извлекать из человеческой головы готовые мысли?

– Обыкновенная дешифровальная машина, – ответил Таймыров, – главное, знать ключ, остальное – дело техники.

Сухоедов взглянул на свои часы и, пожелав Таймырову успехов, распрощался и ушел. Таймыров с минуту сидел в задумчивости. Потом встал, подошел к окну. Сентябрьский день догорал. Сегодня наконец он мог уйти из института вовремя. Почувствовав голод, он вспомнил, что сегодня не обедал, но уходить из лаборатории не было желания. Ему захотелось еще раз посмотреть на свое детище в работе. Он подошел к нему и, играя, защелкал тумблерами на панели. В этот момент он был похож на мальчишку после удачного запуска воздушного змея. Он коснулся ручки настройки сапиенсатора, немного повернул ее и вдруг замер от треска печатающего устройства. Нет, печатающее устройство работало совсем нешумно, но от неожиданности Таймырову послышался прямо грохот. Он ничего не понимал. Сапиенсатор не мог, не должен был принимать его мысли без первичного усилителя. Последний должен находиться на затылке человека, в том самом месте, где, по данным доктора Вильсона, самое сильное биоэлектромагнитное излучение. Шляпа Таймырова с первичным усилителем находилась сейчас на вешалке. Как же так? Он посмотрел на вешалку и все понял. Этот дальтоник опять унес его шляпу! Вместо коричневой шляпы Таймырова на вешалке висела зеленая шляпа Сухоедова.

Об этом недостатке профессора не различать некоторые цвета, особенно коричневый и зеленый, в институте ходили разные анекдоты. Однажды он, одеваясь в гардеробе, перепутал свой плащ с плащом Таймырова. Зрелище было очень потешным: обернувшись, Таймыров увидел, что профессор стоит перед зеркалом в его коричневом плаще, который был ему чуть ли не до пят, и спокойно начинает застегивать пуговицы. Неизвестно, чем бы это тогда

закончилось, если бы профессор не заметил хохочущего коллегу. Вспомнив этот случай, Таймыров чуть не рассмеялся.

Сапиенсатор тем временем исправно фиксировал то, что сейчас рождалось под унесенной шляпой. Таймыров вдруг подумал, что делает что-то запретное, записывая чужие мысли, ведь возможность этого он сам только что отрицал в разговоре с профессором. Сознание того, что профессор сам был виновен в происходящем, нисколько не облегчало его совесть, и он, поспешно выключив аппарат, отошел к окну.

«Знал бы профессор, что сейчас произошло, – думал он, глядя в окно, – унес мою шляпу с первичным усилителем. Где же его сейчас найти?» Он подошел к телефону и набрал номер лаборатории Сухоедова, но, увы, никого там не было. Таймырова вдруг осенило, что из записи сапиенсатора он мог бы узнать, где находится сейчас профессор. Впервые его детище могло оказать реальную услугу своему создателю. Так заманчиво было взглянуть на то, что было на бумажной ленте. Но сделать это для него означало то же самое, что копаться в чужом белье или залезть в чужой стол и прочитать не ему предназначенное письмо. Таймыров колебался. В нем боролась совесть интеллигента с простым любопытством и интересом ученого-изобретателя, и он, шагнув к сапиенсатору, начал искать оправдание своим действиям. «Во-первых, – думал он, – я это делаю не из корысти, а из научного интереса; во-вторых, я не собираюсь использовать полученную мной информацию во вред профессору Сухоедову, а в-третьих, я не нарушаю никаких юридических законов, так как нет закона, запрещающего читать чужие мысли».

Таймыров понимал, что придумывает это для успокоения своей совести, что все его естество против того, чтобы кто-либо, затаившись, читал мысли другого, но желание заглянуть в запись сапиенсатора было сильнее всего, и он в конце концов решил: все это сейчас не имеет никакого значения. Перемотав запись, он нажал кнопку с надписью «чтение» и начал читать наматывающиеся на барабан строки.

СКОРЕЕ РАБОТА У НЕГО НАХОДИТСЯ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ А МОЖЕТ И ВО ВСЕ ЗАКОНЧЕНА ЖАЛЬ НЕ УВИДЕЛ ЧТО ЗА ЗАПИСЬ БЫЛА НА ПЕЧАТАЮЩЕМ УСТРОЙСТВЕ ОЧЕВИДНО ОН ПЕРЕМОТАЛ ЛЕНТУ ПОСЛЕ ЗАПИСИ ВСЕ-ТАКИ НА БАРАБАНА КАКАЯ-ТО ЗАПИСЬ БЫЛА САМЫЙ МОМЕНТ БЫЛ СЕГОДНЯ ВЗЯТЬ СХЕМУ ИЗ СЕЙФА И СФОТОГРАФИРОВАТЬ ЕСЛИ БЫ Я УВЕРЕН БЫЛ ЧТО ОН СПИТ ТАК И ПОСТУПИЛ ДЛЯ НАДЕЖНОСТИ МОЖНО БЫЛО УСЫПИТЬ АЭРОЗОЛЕМ ВСЕ ТАКИ ЖАЛЬ ЭТУ ШТУКУ ОТДАВАТЬ АМЕРИКАНЦАМ ОНА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО МНОГО ИЗМЕНИТ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СХЕМОЙ ЗАВЛАДЕТЬ БУДЕТ НЕ СЛОЖНО СЕЙФ ТОТ ЖЕ ШИФР Я ЗНАЮ СЛОЖНЕЕ БУДЕТ ПРОНИКНУТЬ В ЛАБОРАТОРИЮ БЕЗ...

Таймыров стоял с внезапно отяжелевшим, будто свинцом налитым, телом, ошарашенный прочитанным. Профессор Сухоедов – его враг?! Это казалось невероятным. Он с ненавистью смотрел на свое детище. Но сапиенсатор тут был ни при чем. Его аппарат не умел ошибаться, а тем более лгать. Таймыров верил своему созданию, как самому себе. Теперь он уже не колебался. Ему надо было знать все, что думает о нем Сухоедов. Быстро защелкал выключателями, но сапиенсатор молчал. Очевидно, профессор был уже вне зоны приема или просто снял шляпу с первичным усилителем. Таймыров ощутил смертельную усталость и желание покинуть стены лаборатории, оказаться на улице. Нужно было решать, как действовать дальше. Советчиков в данной ситуации быть не могло. Он подошел к сейфу, взял из него папку со схемой и расчетами своего изобретения, с минуту постоял в раздумье, потом положил папку обратно в сейф, подошел к сапиенсатору и, подготовив его для работы на частоте биоволн профессора Сухоедова, надел плащ и покинул лабораторию. Зеленая шляпа профессора осталась висеть на прежнем месте

Глава четвертая

Сухоедов получает свою шляпу, а Таймыров ключи от его мозга

Ночь прошла в сновидениях с такими яркими красками, которые он видел разве что на картинах французских импрессионистов. Ему привиделось, что он явился в органы госбезопасности. За тяжелым столом из черного дерева сидел человек лет сорока пяти в штатском, с широкими бровями и густыми черными бакенбардами. Поднявшись Таймырову навстречу, он сказал: «Майор Погодин. Что привело вас к нам?» Таймыров рассказал о своей работе над сапиенсатором и о том, как он случайно записал мысли профессора Сухоедова. «Вот они». – Он вынул из кармана лист бумаги. Майор пробежал глазами напечатанный текст и сказал: «Так-так. Нам с вами очень повезло, что все так получилось». Потом сон перенес его в лабораторию, где он увидел профессора Сухоедова, сидящего в его кресле и с наслаждением читающего запись своих и Таймырова мыслей. Вместо сапиенсатора на монтажном столе стояла мраморная статуя в треть человеческого роста с божественным мужским ликом и вскрытым черепом. Череп был вскрыт так, что мозг этого божества был виден почти полностью, как на рисунке в учебнике анатомии. На постаменте была надпись: ИЗОБРЕТЕНИЕ ВЕКА.

Очнувшись от сна, Таймыров сразу же мысленно перенесся в лабораторию. Хотя он и не верил в вещие сны, но на сердце было беспокойно. Вчерашние события хотя и взволновали, но не вывели его из привычной колеи. Будучи личностью впечатлительной, но с крепким и целеустремленным характером, он быстро мобилизовал свою волю к предстоящей схватке с неожиданным противником. Его романтическая натура, жаждущая приключений, даже обрадовалась необычному повороту событий. В душе появилось незнакомое сладостно щемящее чувство. Утро провел в обычном ритме и через час после пробуждения уже мчался в своем издававшем виды «Фиате» в сторону института, обдумывая по дороге свои дальнейшие действия в отношении профессора Сухоедова. Вчера он принял единственно правильное, на его взгляд, решение. Он не знал, когда профессор собирается проникнуть в лабораторию. Судя по записи сапиенсатора, тот сможет сделать это не предстоящей ночью, если ему это вообще удастся. На всякий случай Николай решил оставить на ночь готовый к работе сапиенсатор. Если профессор проникнет в лабораторию, то, увидев работающий аппарат и прочитав свои мысли, поймет, что попался в ловушку, из которой выход ему неизвестен. Сегодня все будет зависеть от того, что нового преподнесет ему сапиенсатор. Сухоедов добирался в институт на своей новенькой быстроходной «Самаре» около получаса. Наверняка, по дороге в институт или позднее он что-нибудь «скажет».

Таймыров не ошибся. Когда он вошел в свою лабораторию, сапиенсатор заканчивал запись мыслей профессора. Посмотрев ее, Таймыров нашел несколько строк, которые его так интересовали. Подъезжая к институту, Сухоедов подумал: «Встреча с Крабом через неделю, за это время я должен выудить у Таймырова все, что можно о его аппарате, и желательно посмотреть, как он работает».

Таймырова это обрадовало. Значит, впереди у него целая неделя относительно спокойной работы. Достав из сейфа еще одну «булавку» – первичный усилитель – и закрепив ее с внутренней стороны шляпы профессора Сухоедова, он набрал номер телефона его лаборатории.

– Здравствуйте, профессор, – сказал он, услышав в трубке знакомый голос, – вы вчера снова ушли домой в моей шляпе.

– Да ты уж прости, Николай. Я, вернее, моя жена обнаружила это только сегодня. С этой зеленью у меня одни неприятности. Давно говорю жене, чтобы освободила от нее мой гардероб, а она все твердит, что это мой цвет. Надо же!

– А где ваши очки? – спросил Таймыров, зная, что у профессора были специальные очки для дальтоников, корректирующие цвет.

– Да на кой черт мне этот хомут на переносице? Зрение-то у меня, слава богу, отменное, а для поездки в машине я приобрел недавно специальное лобовое стекло. Да мне и без него было неплохо. Все ехали на зеленый, а я на свой неопределенный, – рассмеялся профессор, довольный своей шуткой.

– Слушай, а почему бы тебе не завести зеленые шляпу и плащ? Тогда бы у нас с тобой не было таких проблем.

– Э-э-э, профессор, так дело не пойдет. Вы хотите, чтобы из-за вас весь город ходил в зеленом?

– Ну ладно, ладно. Верну я твою шляпу. У меня сегодня предвидится напряженка, но как-нибудь заскочу, – закончил профессор.

Таймыров окунулся в работу. Утром его посетила неожиданная мысль: попробовать записать свои сновидения. Это блаженное состояние временного покоя, которое поэты называют маленькой смертью, давно интересовало его как ученого. Наука еще не смогла до конца объяснить, зачем человеку сон. Чем занимается мозг человека во время сна? Что в нем происходит? Таймыров, которому это таинственное состояние приносило не однажды интересные идеи, по себе знал, что у многих творческих людей мозг продолжает активную работу и во время сна, когда все органы чувств отключены от внешних источников информации. Миру известно немало открытий, сделанных учеными во сне. А сколько их не состоялось из-за того, что часто после пробуждения сны забывались напрочь? Таймыров часто видел яркие художественные сны, некоторые из них он помнил, как помнят реальные события в жизни, но чаще всего они забывались сразу же после пробуждения. Ему очень хотелось самому заглянуть под покров этой тайны человеческого бытия. «Чтобы сапиенсатор мог уловить и записать биоволны с того расстояния, на котором находилась его квартира от института, нечего было и думать, но если увеличить чувствительность вторичного приемника-усилителя в несколько раз, то что-то может получиться», – рассуждал он. Второй его задачей на сегодняшний день было ввести на выходе еще один канал для записи мыслей на дискету с целью более удобного хранения и возможности вывода на дисплей.

Сделав необходимые расчеты, Таймыров внес изменения в схему сапиенсатора и спустился в столовую. После обеда он вызвал радиомонтажника, дал ему указания и, взяв с полки сборник научной фантастики, сел в кресло передохнуть. Все это время его неотступно преследовала мысль, что вот-вот в лабораторию должен зайти профессор Сухоедов за своей шляпой. Однако профессор почему-то не спешил с обменом.

День близился к концу. Радиомонтажник, закончив работу по изменениям Таймырова, уже ушел, когда вдруг зазвонил телефон.

– Коллега, – услышал Таймыров голос профессора, – вы не желаете заглянуть ко мне? Я хочу познакомить вас с одним интересным субъектом, – обращаясь почему-то на «вы», сказал Сухоедов.

– Хорошо, – ответил Таймыров, – зайду минут через двадцать.

Он настроил сапиенсатор и проверил его работу в уже новом качестве: при записи на бумагу и магнитный диск. Убедившись в его безотказной работе, установил реле времени, включающее питание прибора, на полночь, чтобы попробовать записать собственные сновидения, надел свой плащ, профессорскую шляпу и направился в лабораторию Сухоедова.

Такого он не ожидал. В лаборатории профессора, заставленной разными приборами, стендами, вычислительной техникой, в одном из двух кресел Таймыров увидел нечто, очень напоминающее ему тех роботов, которых он видел в фантастических фильмах: две пары шарнирных конечностей, очень похожих на человеческие руки и ноги; массивная яйцевидная

голова, посаженная на туловище почти без шеи; желтые немигающие глаза, смотрящие на Таймырова так пристально, что он поежился.

– Познакомься, – сказал профессор, – это мой новый робот.

Механическое существо встало из кресла и, пожимая протянутую Таймыровым руку, звучным голосом произнесло: «Рома».

– Очень приятно, Рома, – отмечая про себя его по-мужски крепкое пожатие пятипалой руки, сказал Таймыров. – А что ты умеешь делать, Рома?

– Все, что прикажет мой создатель.

– А если приказ тебе дам я?

– Я выполняю только то, что слышу от моего создателя.

– Все понятно, кибер, твой мозг запрограммирован на определенный тембр человеческого голоса.

– А что такое «кибер»? – спросил робот. – В моей памяти нет такого слова.

– Кибер – это электронно-механическая система, которой являешься ты. Это слово из жаргона ученых.

– А что такое «жаргона»?

– Жаргон, – поправил Таймыров, – это язык, характерный для небольшой какой-либо группы людей.

– Ясно, ответ понял, – сказал робот и повернулся к профессору. – Что прикажете делать дальше?

Таймырова вдруг пронзила мысль: «А что, если профессор обо всем знает и заманил его в свою лабораторию, чтобы при помощи робота разделаться с ним?»

Но профессор ничего не подозревал. Он велел роботу быть свободным. Тот отошел в пустой угол помещения, щелкнул выключателем на своей груди, и его пчелиные глаза сразу погасли. Механическое существо превратилось в мертвую металлическую статую.

– Поздравляю вас, профессор. Когда вы только успеваете? Столько месяцев не был в институте, а такого кибера сработали.

– Ты же знаешь, что я работаю не один, у меня много учеников и помощников. Это ты собираешься сделать переворот в технике в одиночку. Время одиночек в науке давно прошло, теперь все решают коллективы.

– Не думаю, – возразил Таймыров, – в природе всегда были и будут натуры, склонные к обособленному труду. Наверное, их не так уж много, но все вместе они представляют если не главную, то значительную силу в науке, и, как знать, может быть, именно на их долю приходятся все значительные открытия.

– Ну-ну, не зарывайся, – миролюбиво сказал профессор, – ты лучше расскажи, как там твое чудо века, когда продемонстрируешь его работу?

– Скоро, я думаю, через неделю, не больше, получу необходимый результат.

– Да, результат... – задумчиво повторил профессор. – Было бы лучше, если бы ты никакого результата не получил или никому бы никогда о нем не говорил.

– Что вы, профессор, – удивился Таймыров, усаживаясь против него в другом кресле, – рано или поздно все равно кто-нибудь создаст такой аппарат. Судя по сообщениям в печати, в этом направлении уже давно работают в США и Японии.

– Чем позже это произойдет, тем лучше, – заявил Сухоедов. – Человек еще настолько несовершенен, в нем столько низменных интересов, что твое преждевременное изобретение может принести человечеству гораздо больше вреда, чем пользы. Риск слишком большой, все зависит от уровня сознания, человечности субъекта, который будет им обладать. К сожалению, политику пока еще делает небольшая часть человеческого сообщества, а история, как тебе известно, располагает многими примерами злоупотреблений властью имущих.

– Но на развитие науки нельзя влиять искусственно, тормозить или ускорять. Вы сами как-то утверждали, что в природе все, в том числе и развитие науки, идет по раз и навсегда данному порядку.

– Я и сейчас считаю, что открытие законов природы, ее познание есть строгая цепь закономерностей. Однако человек является одним из звеньев в этой цепи, и уровнем своего сознания он может ускорять или замедлять развитие науки и цивилизации вообще, в зависимости от того, насколько уровень сознательности человечества соответствует уровню развития науки. Все дело в том, что накопление человечеством знаний об устройстве мира, познание им естественных законов происходят быстрее, чем рост сознания его индивидуумов и человечества в целом. Другими словами, уровень развития науки опережает уровень развития межчеловеческих отношений. Продукт природы – человек – находится в том состоянии, когда инстинкты его почти все утеряны, а сознательность в массе своей еще на том уровне, когда человеком владеют больше эгоистические желания, сиюминутные выгоды, а не гуманистические цели во имя будущего цивилизации.

Профессор извлек из своего кармана пачку с нейролизатором¹ и протянул ее Таймырову.

– Угощайся, это японский – из моего космического пайка. Он стимулирует почти мгновенно после первой затяжки и гораздо приятнее нашего.

Аромат обвил их, когда они закурили, и профессор продолжал:

– Наука развивается по законам, заданным Природой. Человеческий разум, не желая смириться с конечностью своего существования в природе, пытается найти ключ к тайне бессмертия. Однако наука решит эту проблему не раньше, чем найдет ключ к решению, по крайней мере, трех других проблем: новых энергетических источников, перенаселения планеты и достаточного воспроизводства продуктов питания. Природа не зря далеко спрятала от человека тайну таких болезней, как, например, злокачественные опухоли. Если бы мы сейчас нашли способ лечения этих болезней, численность населения земного шара лет через десять возросла бы более чем вдвое и человечество начало бы вымирать от голода.

– Интересная мысль, – сказал Таймыров. – по-вашему, выходит, что, сколько бы ученые ни бились над разгадкой рака, сколько бы ни вкладывали в это сил и средств, все произойдет не раньше, чем должно произойти?

– Вот именно. Все идет своим чередом.

– А я думаю иначе. Все зависит от человека. Чем раньше человек постигнет тайну своего бессмертия, тем раньше он решит все остальные проблемы. Ведь каждый человек, умирая, уносит с собой огромную накопленную информацию, опыт. Каждое новое поколение начинает как бы сначала. Развитие человечества идет скачками. Пока новое поколение постигает опыт своих отцов, развитие замирает на время, затем следует взрыв и так далее. Если бы человечество могло увеличить продолжительность жизни хотя бы до 500 лет, развитие шло бы не скачкообразно, а лавиной и мы давно решили бы все проблемы.

– Интересно, может быть, ты еще и укажешь, каким образом?

– Почему бы и нет, – с готовностью ответил Таймыров. – Проблему перенаселения можно было бы решить в один день: в тот самый день, когда человечество постигнет тайну бессмертия, существующие на планете поколения людей объявить вечными, прекратив рождаемость нового поколения.

– А если люди этого не захотят? Человек испокон веков привык к продолжению рода. Вырастить и воспитать себе подобного – в этом заключается цель жизни человека.

– Да, но вы забываете, профессор, что с бессмертием это теряет смысл. Человек действительно проживает несколько жизней, растя своих детей, внуков. Эта игра, придуманная для него Природой, нравится ему. Но когда человек осознает, что это ему больше не нужно,

---

¹ Нейролизатор – безвредное курительное вещество, стимулирующее деятельность центральной нервной системы.

что он сам есть вечный житель под небом Земли, он с удовольствием откажется от того, что навязано ему Природой, и очень выиграет от этого. Представьте, сколько сил и времени тратит человек на то, чтобы вырастить и дать образование своему потомку. На это сейчас уходит почти треть жизни, а то и вся жизнь. И вдруг исчезнет надобность в этой потребности. Отпадет надобность в целой системе детских дошкольных заведений, школ, вузов. Не нужна будет вся система образования! У человека появится больше времени для самоусовершенствования, а свои знания и опыт он будет пополнять из самого течения жизни и общения с себе подобными. Благодаря всеобщей информатике и компьютеризации он сможет это делать во сто крат быстрее и полезнее.

– Что же выходит: планета стариков, цивилизация без детей? Что касается того, что у людей появится больше времени, то время, по-моему, тут теряет свой смысл. Бесконечность впереди – как подумаешь об этом, становится так же страшно, как если бы речь шла о неминуемом конце. Не нужно никуда спешить, торопиться – время существования неограниченно. Приемлемо ли это? Вместо вечного движения, жизнь застынет, движение вперед прекратится.

– Нет, не прекратится. Появятся другие стимулы развития. И страшным неограниченное существование кажется только, если об этом думать, а если просто жить, то человеку это никогда не надоест. Впрочем, тут возможны и другие варианты. Прожив, например, 500 лет, человек может прекратить временно свое существование, оставив после себя потомка. Решившись на такой вариант, он заходит в аннигиляционную камеру, в считанные секунды на кристалл записываются его генетический код, структура мозга и вся заложенная в нем информация. Вспышка света, взрыв – и он превращается в излучение, энергией которого можно несколько месяцев питать полумиллионный город. В любое время потомок может встретиться со своим предком, заложив кристалл с информацией в биосинтезатор, который по заложенной в него программе воссоздаст любую личность на том уровне сознания, что и перед его условной смертью. Те же превращения материи, что и в природе, но только с большим эффектом отдачи. Это будет цивилизация вечно молодых людей, а не стариков. Понятие «возраст» будет определяться лишь в смысле определения накопленного жизненного опыта.

– Как знать, может быть, ты и прав. Мы не знаем, какую участь уготовила нам Природа. Как сказал кто-то из поэтов, «жизнь – это вечная игра» и если у человечества хватит разума не проиграть, не «сыграть в ящик», то, может быть, подобное фантазерство когда-нибудь станет реальностью.

– Что вы понимаете под словом «Природа», профессор?

– Это прежде всего то, что существовало до человека и что создало его. Природа – это разум, но разум вселенский. Человеческий разум есть ничтожно малая его копия. Существуют целые миры, обладающие колоссальными энергиями Разума, которые управляют всеми процессами во Вселенных. Напрасно философы веками спорят, что первично, а что вторично – разум или материя. Разум так же, как и материя, существовал всегда, трансформируясь и видоизменяясь. В мире все взаимосвязано и носит причинно-следственный характер, но мы большей частью можем наблюдать лишь следствие, не зная первопричин. Случайностями мы называем события, когда законы, по которым они происходят, нам неизвестны.

– А вы, профессор, оказывается, тоже любите фантазировать. Впрочем, я не исключаю ваш вариант устройства мироздания. Мир сам по себе гораздо интересней, чем то, что может создавать воображение человека. Я думаю, что человеческий разум не может создать то, чего никогда не было в мире. Он лишь отображает, вспоминает, копирует то, что заложила в его гены Мать-Природа.

– Но мне думается, – продолжал Таймыров, – что Мир – не цельная система, а цепь случайностей. Мир возник из хаоса элементарных частиц, и этот хаос продолжает длиться и сейчас. Случайные события, совпадая во времени, рожают новые случайные события. Человек

есть результат этих случайностей и их пленник. Но, обладая разумом, он способен эти случайные события подчинить себе и подняться над Природой.

– Ерунда, – бесцеремонно возразил Сухоедов, – человек никогда не поднимется над Природой хотя бы лишь потому, что он – только часть ее. Те мысли, которые ты высказываешь сейчас, лишь кажется, что принадлежат тебе. На самом деле это результат действия космических лучей, которые, проходя через твой мозг, возбуждают те электрофизические и химические процессы, которые соответствуют тому, что ты сказал или подумал.

Был уже поздний вечер, когда они, закончив свой очередной ненаучный спор, вышли из лаборатории профессора. На этот раз каждый в своей шляпе, в каждой из которой находилось по одной миниатюрной детали, связывающей их с прибором, находящимся в лаборатории Таймырова.

Глава пятая

Таймыров думает, а сапиенсатор пишет роман

В это утро Таймыров проснулся, как обычно, без пяти шесть. Его мозг, как хорошо отлаженный механизм, никогда не подводил. Через пять минут после пробуждения электронный таймер включал радиоприемник, и в комнате раздавался голос диктора, сообщающего последние новости в мире. Таймыров не спеша брился под этот голос и думал о необычности сегодняшнего дня. Никто, ни один человек на земном шаре, даже этот диктор, не подозревает, что произошло этой ночью. Впервые в мире человеку удалось (Таймыров был очень уверен в этом) записать свои сновидения. Через какой-то час он, войдя в свою лабораторию, сможет прочитать и, возможно, даже увидеть на экране все, что происходило внутри его черепа во время сна; совершится еще одна мечта человечества, и откроется еще одна тайна. Пока только одному ему. Когда люди смогут использовать его изобретение на свое общее благо? Этого он сейчас не мог сказать. До тех пор, пока в мире существует вражда между людьми, самые лучшие изобретения человечества еще долго будут храниться за семью печатями, оставаясь недоступными для большинства.

Таймыров чувствовал, что сновидения были: они где-то вот-вот, они на грани памяти. Но как ни старался он вспомнить хоть какой-то обрывок сна, ничего у него не получалось.

«Может быть, это и к лучшему, – подумал он, – излишние впечатления только возбуждают нервную систему, которой и без того хватает эмоциональных нагрузок».

Прибыв в институт, он обнаружил сапиенсатор, как и следовало ожидать, в состоянии покоя. Бумажная лента была полностью перемотана на ведущий барабан. Конечный выключатель, сработав, остановил всю систему. Таймыров перемотал рулон с записью, снял его и, усевшись в кресло, принялся за чтение. Это было нечто похожее на киносценарий. В начале шли отдельные слова, фразы, потом описание какой-то местности. И тут Таймыров вспомнил весь свой красочный сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.